

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СПОСОБА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

О.А. Крапивкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Рассматриваются способы вербализации субъекта как категории дискурса в законодательном дискурсе, обусловленные экстралингвистическими факторами – типами политических систем, которые сменяли друг друга на протяжении истории. Политические системы и формы правления рассматриваются в статье как детерминанты способа репрезентации субъекта дискурса. В статье также анализируются языковые единицы, которые используются для позиционирования субъекта в законодательных текстах. В ходе анализа фактического материала автор пришел к выводу, что на протяжении последнего тысячелетия субъект законодательного дискурса прибегал к разным вариантам самопозиционирования: от открытой экспликации своего Я до полной редукции, деперсонализации высказывания и отсутствия любых знаков, отсылающих к говорящему. Материалом для исследования послужили англо-американские и русскоязычные законодательные тексты.

Ключевые слова: субъект, законодательный дискурс, бессубъектность, деперсонализация, позиционирование субъекта

Способы вербализации субъекта в законодательном дискурсе не оставались неизменными на протяжении истории, варьируясь от максимальной эксплицитности до полного устранения субъекта из дискурса. Причина тому, как представляется, уходит корнями в политико-правовое устройство государства, смена которого влекла за собой и изменения в лингвистическом статусе субъекта [2]. В эпоху монархического правления субъект брал прямую ответственность за высказываемое, позиционируя себя как источник суверенной власти, эксплицируя либо свое личностное начало, либо божественное происхождение своей власти. Переход к парламентаризму, расширивший субъектный состав законодательного дискурса за счет появления нового органа государственной власти – парламента, – детерминировал появление деперсонализированного субъекта, декларирующего личную непричастность к ответственности за высказывания, составляющие дискурс. Таким образом, можно предположить политико-правовую детерминированность знаковой репрезентации субъекта законодательного дискурса.

В ходе анализа было выявлено, что английские законодательные тексты классического Средневековья разворачивались при эксплицитном вмешательстве субъекта, реферировавшего к себе с помощью я-валентности. К примеру, в англосаксонских текстах, датированных XII веком, основным маркером субъекта, с помощью которого он позиционировал себя как средоточие абсолютной, ничем и никем не ограниченной власти, было местоимение 1-го лица единственного числа. Эта закономерность отмечена, в частности, в следующем фрагменте Хартии вольностей (Charter of Liberties, 1100), изданной от имени английского короля Генриха I:

I have been crowned king of said kingdom; and because the kingdom had been oppressed by unjust

exactions, I, through fear of god and the love which I have toward you all.

В примере местоимение *I* реферирует к единичному субъекту, который с его помощью декларирует единоличный характер своей власти, верховное положение в государстве, позиционирует себя как лидера, который берет ответственность за свой народ, выступает его защитником и покровителем, демонстрирует любовь к нему, исходя из присущей ему функции наставления народа и осуществления общественного блага.

Начиная со второй половины XII века ведущим маркером субъекта-монарха становится местоимение *I*, а прономиналы 1-го лица множественного числа. Приведем примеры из Великой Хартии Вольностей (Magna Carta, 1215):

FIRST, THAT WE HAVE GRANTED TO GOD, and by this present charter have confirmed for us and our heirs in perpetuity, that the English Church shall be free, and shall have its rights undiminished, and its liberties unimpaired. That we wish this so to be observed, appears from the fact that of our own free will, before the outbreak of the present dispute between us and our barons, we granted and confirmed by charter the freedom of the Church's elections.

Как показывает пример, английский король Иоанн репрезентирует себя с помощью формы *Pluralis Majestatis* или *множественного величия*, символизирующей божественное происхождение власти монарха, его единение с Богом, идею о том, что монарх является представителем и подобием бога на земле.

Считается, что местоименная форма множественности в целях маркирования монархического субъекта была впервые употреблена в английском дискурсе королем Генрихом II в 1169 году. По другой версии в Англию данный способ обозначения

ния лиц высокого ранга привёз в конце XII века лорд-канцлер и епископ Эли Уильям Лонгчамп, служивший при английском короле Ричарде I. Считается, что ему принадлежит идея заменить в документах, подписываемых королем, местоимение первого лица единственного числа множественным числом – королевским «мы» [5].

В основу ее употребления была положена теологическая концепция о единстве монарха с Богом, основывающаяся на идее монарха как божьего помазанника, поскольку, как известно, король рассматривался в Средневековье как сверхъестественное существо, причастное к сакральной власти. «По божественной власти, переданной ему освящением, он – милостью Божьей Христос, Богочеловек. На земной сцене он представляет живой образ Бога» [3]. На этот счет американский историк-медиевист Э. Канторович приводит высказывания анонимного нормандского юриста: «Власть короля есть власть Бога; она принадлежит Богу по природе и королю по милости» [3]. Таким образом, король есть в то же время и Бог, но по милости, и все, что он ни делает, он делает не только в качестве человека, но как наделенный милостью Божьей.

В *pluralis majestatis* субъект вместо местоимения первого лица единственного числа использует местоимение множественного. Примерами могут служить краткие титулы российских императоров:

«Божиею милостию, Мы, Петр первый, царь и самодержец всероссийский. И протчая, и протчая, и протчая», «Божиею милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая».

В современном монархическом дискурсе форма *Pluralis Majestatis* не получила распространения. Так, английская королева Елизавета II в тронных речах на церемонии официального открытия новой сессии британского парламента заявляет о себе с я-валентностью. Приведем в качестве примера фрагмент ее речи, произнесенной в 2014 году:

Prince Philip and I will pay a state visit to France and will attend events to mark the 70th anniversary of the D-Day landings. We look forward to welcoming His Excellency the President of the Republic of Singapore on his forthcoming state visit. My Lords and Members of the House of Commons. I pray that the blessing of Almighty God may rest upon your counsels.

Королева реферирует к себе, употребляя местоимение *I* и симулякризованный детерминатив *tu* в посессивной конструкции *My Lords and Members*, который дает ложную информацию о ее роли в британском парламенте в силу символичности властных полномочий английского монарха. Местоимение *we*, употребленное Елизаветой II, несут иную функцию в сравнении с той, которая была характерна для дискурса ее предшественников: они служат не для демонстрации превосходства над потенциальным адресатом (модель *God + I*), а обозначают коллективного субъекта (*The Duke of Edinburgh + I*).

В английском законодательном дискурсе расширение диапазона языковых средств, обозначающих субъекта, происходит приблизительно с XIV века: к эксплицитным маркерам добавляются механизмы имплицитной репрезентации субъекта. Причина тому, как представляется, заключается в ограничении власти английского монарха, которая привела к появлению еще одного законодательного жанра – парламентских статутов. Процедура издания статута предусматривала выработку предложений нижней палаты (билль). Затем билль, одобренный лордами, направлялся на подпись королю. Йорский статут 1322 г. гласил, что все дела, «касающиеся положения сеньора нашего, короля, и положения государства и народа, должны обсуждаться, получать согласие и приниматься в парламенте нашего господина короля и с согласия прелатов, графов, баронов и общины королевства» [1]. Уже в XV веке ни один закон в королевстве не мог быть принят без одобрения палаты общин.

Данные новации не могли не отразиться на характере законодательных текстов, которые, утратив индивидуально-авторские черты, превратились в набор деперсонализированных установленных дискурсивного экспертного сообщества в лице законодательного органа. Ярким примером подобного деперсонализованного продукта является один из документов эпохи Английской Реформации – *Sacrament Act (Act against Revilers, and for Receiving in Both Kinds)*. Для иллюстрации приведем отрывок из данного закона:

The saide blessed Sacrament shoulde be ministred to all Christen people. Therefore be it enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the consent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons in this present parliament assembled and by thauctoritie of the same, that the saide moste blessed sacrament be hereafter commenlie delivered and ministred unto the people.

Документ представляет собой систематическое изложение догматов англиканского вероисповедания. Акт был утвержден парламентом и подписан королем Эдуардом VI. Однако установить подлинного субъекта дискурса не представляется возможным в силу деперсонализованного характера высказываний. Указание в тексте на субъектов, так или иначе участвовавших в его создании, – короля и членов парламента (*enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the cosent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons*), не дает однозначного ответа на поставленный У. Эко вопрос *Kmo говорум* [4]. Пассивные конструкции (*be ministred, be it enacted, be delivered and ministred*) делают содержащиеся в тексте предписания независимыми от чьей-то субъективной воли и не контролируемые ей.

Бессубъектность закона наблюдается и в более поздних актах. Например, бессубъектные конструкции мы обнаруживаем в Акте о реформе 1832 года, изданный во времена правления королевы Виктории:

Дискурсология и структурно-семантическая организация текста

And be it enacted, that each of the Boroughs enumerated in the Schedule marked to this Act annexed shall from and after the End of this present Parliament return one member and no more to serve in Parliament (Reform Act 1832).

Следует отметить, что и в российском законодательстве XVIII- XIX веков также имела место тенденция к деперсонализации высказываний. И если в преамбуле субъект дискурса – император – обозначал себя с помощью уже упомянутой выше формы *Pluralis Majestatis* (1), то в самом тексте законодательного акта субъект представлен имплицитно (2):

(1) *В постоянном, по заветам Предков, общении со Святою Православною Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из **Наших** подданных свободу верования и молитв по велениям его совести.*

(2) *Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа **перестать** душить головы людям и считать Новый год повсеместно с первого января.*

Американский законодательный дискурс проявил иную специфику вербализации субъекта: высказывания разворачиваются не без эксплицитного вмешательства субъекта, но языковые знаки, отсылающие к нему, чаще всего представляют собой симулякры, не позволяющие установить истинный источник дискурса. В качестве примера можно привести закон штата Вирджиния о свободе вероисповедания, принятый Генеральной ассамблеей в 1786 году:

*And though we well know that this assembly elected by the people for the ordinary purposes of legislation only, have no power to restrain the acts of succeeding assemblies, constituted with powers equal to **our** own, and that therefore to declare this act to be irrevocable would be of no effect in law; yet we are free to declare, and do declare, that the rights hereby asserted are of the natural rights of mankind, and that if any act shall be hereafter passed to repeal the present, or to narrow its operation, such act shall be an infringement of natural right.*

Заполненная местоимением *we* синтаксическая позиция подлежащего не позволяет идентифицировать субъекта в силу своей размытости, возможности множественной интерпретации знака *we*. Форма множественности предположительно отсылает к народу, который в реальности не участвовал в создании данного акта. При этом автором законопроекта считается Томас Джефферсон,

репрезентировать которого в тексте не позволяют правила законодательной техники. Далее, согласно принятому в дискурсивном экспертном сообществе правилу, под законом стоят подписи А. Кери, спикера сената, и Б. Харрисона, спикера палаты представителей штата Вирджиния. Возникает правомерный вопрос, к кому все-таки реферирует прономинал 1-го лица множественного числа?

Высказывания с симулякриванным *we* содержатся и в более известном творении Томаса Джефферсона – Декларации независимости (*Declaration of Independence*), что позволяет утверждать регулярность такого способа маркирования субъекта в культуре представительной демократии, когда ограниченная группа выступает от имени *we*, порождающего множественные интерпретанты.

Отметим, что в силу свойственной законодательному сообществу тенденции позиционировать себя как безличного выразителя воли ЗАКОНА, современные законодательные акты отличаются ярко выраженный деперсонализированный характер, поскольку непосредственное вмешательство индивида субъективировало бы дискурс, нарушило объективность изложения.

Таким образом, варианты позиционирования субъекта в законодательном дискурсе зависят от целого комплекса факторов, среди которых особую роль играет можно политико-правовое устройство государства. На протяжении последнего тысячелетия субъект законодательного дискурса прибегал к разным вариантам самопозиционирования: от открытой экспликации Я до полной редукции, деперсонализации высказывания и отсутствия любых знаков, отсылающих к говорящему.

Литература

1. Гунтова, Е.В. *Английское государство в 14-15 веках* / Е.В. Гунтова. – М., 1987. – 240 с.
2. Крапивкина, О.А. *Субъект в юридическом дискурсе: лингвопрагматический анализ* / О.А. Крапивкина. – Иркутск, 2015. – 160 с.
3. Лучицкая, С.Е. *Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья* / С.Е. Лучицкая // *История ментальностей, историческая антропология: зарубеж. исслед. в обзорах и рефератах*. – М., 1996. – С. 142–154.
4. Эко, У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию* / У. Эко. – СПб., 1998. – 543 с.
5. Turner, R. *Longchamp, William de (d. 1197)* / R. Turner // *Oxford Dictionary of National Biography*. – URL: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/16980> (accessed: 10.12.2014).

Крапивкина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета прикладной лингвистики, Иркутский национальный исследовательский технический университет, koa1504@mail.ru

Поступила в редакцию 16 октября 2015 г.

EXTRALINGUISTIC DETERMINANTS OF SUBJECT REPRESENTATION IN LEGISLATIVE TEXTS

O.A. Krapivkina, koa1504@mail.ru

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

The article is devoted to the problem of verbalization of the speaking subject in legislative discourse. The author states that the ways of positioning the speaking subject, determined by the types of political systems, were undergoing the changes through the ages. The mechanism of the government is considered to be crucial when choosing the ways of representing the speaking subject. The article also deals with the language units used to verbalize the speaking subject in legislative discourse. The author arrives at the conclusion that during the last millennium the subject in legislative discourse used different ways of self-positioning: both the explicitness of an author's identity and its full elimination from discourse, depersonalization of utterances.

Keywords: subject, legislative discourse, subjectlessness, depersonalization, subject positioning.

References

1. Guntova E.V. *Angliiskoye gosudarstvo v 14–15 vekakh* [English State in 14–15 centuries]. Moscow, 1987. 240 p.
2. Krapivkina O.A. *Subyekt v yuridicheskoy diskurse: lingvopragmaticheskiy analiz* [Subject in legal discourse: lingvo-pragmatic analysis]. Irkutsk, 2015. 160 p.
3. Luchitskaya S.E. Dva tela korolya. Ocherk politicheskoy teologii Srednevekovyaya [Two bodies of the King. Essays on the Political Theology of the Middle Ages]. In: *Istoriya mentalnosti, istoricheskaya antropologiya* [History of mentalities, historical anthropology: foreign studies in reviews and summaries]. Moscow, 1996. Pp. 142–154.
4. Eco U. *Otsutstvuyutshaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction into Semiology]. St. Peterburg, 1998. 543 p.
5. Turner R., Longchamp William de (d. 1197). *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/16980> (accessed: 10.12.2014).

Olga A. Krapivkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Irkutsk National Research Technical University, koa1504@mail.ru

Received 16 October 2015

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Крапивкина, О.А. Экстралингвистические детерминанты способа репрезентации субъекта дискурса (на материале законодательных текстов) / О.А. Крапивкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 1. – С. 28–31. DOI: 10.14529/ling160105

FOR CITATION

Krapivkina O.A. Extralinguistic Determinants of Subject Representation in Legislative Texts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016, vol. 13, no. 1, pp. 28–31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling160105